

Елена
Ермолова

*Слезы
лотоса*

ФТМ

Елена Ермолова

Слезы лотоса

«ФТМ»

2018

Ермолова Е. Л.

Слезы лотоса / Е. Л. Ермолова — «ФТМ», 2018

ISBN 978-5-4467-3324-8

Что можно сделать во имя любви? ВСЕ! Отказаться от трона и спуститься в царство смерти, выдержать оковы рабства и сразиться с самим сатаной, выжить в бушующем море и не погибнуть от ядовитых стрел, пройти сквозь все соблазны и превратиться в хрустальный фонтан вечности. Перед Вами книга о ЛЮБВИ. О ВЕЛИКОЙ любви графского сына Эгмонта и простой крепостной девушки Азель. О любви, которая не знает никаких преград. О любви, что пронеслась сквозь пространство и время. О любви – во имя самой любви новый роман-сказка для подростков детской писательницы Елены Ермоловой «Слезы лотоса».

ISBN 978-5-4467-3324-8

© Ермолова Е. Л., 2018

© ФТМ, 2018

Содержание

Ее сон	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Ермолова
Слезы лотоса
Роман-сказка

При создании обложки использована картина художницы Анны Перегудовой «Слёзы лотоса», 2018.

* * *

Ее сон

Ей всегда снится один и тот же сон. Она идет по старому парку, окруженная со всех сторон вековыми деревьями. Где-то вдалеке слышится тихая печальная музыка. Она раздвигает столетние ветви и видит хрустальный фонтан – в руках прекрасного юноши нежный лотос. Цветок плачет. Хрустальные слезы переливаются на солнце, падая вниз тонкими серебристыми струями, и там, где касаются земли, они превращаются в сверкающие бриллианты такой чистоты, что сквозь них видно даже течение самого времени. Хрустальные кудри обрамляют мужественное и в тоже время нежное, задумчивое лицо юноши. Его взгляд устремлен к цветку. В нем нечеловеческие боль и страдание. А еще надежда. Великая надежда и нескончаемая любовь...

Она вскрикивает и бросается к фонтану.

В этом месте сон всегда прерывается, и она просыпается.

Часть I

Проклятие старого замка

Глава 1

Почему лотосы плачут?

– Смотри, какой красивый цветок, – протянула руку к нежному лотосу, слегка покачивающемуся на воде, Азель.

– Цветок как цветок, не лучше других, – пожала плечами красивая светловолосая девушка.

– Нет, Селена, он прекрасен, и когда-нибудь я бы хотела им стать.

– Почему? – удивилась та.

– Потому что лотос плачет хрустальными слезами, – задумчиво улыбнулась Азель.

– Какая ты смешная, Азель. Зачем же ему плакать? – рассмеялась Селена, обдав цветок каскадом радужных брызг.

– От любви, – тихо прошептала девушка и опустила руку в воду.

Лодка плыла по небольшому озеру, со всех сторон окруженному старыми ивами. Мелкая рябь струилась по воде, отражая серебром едва заметные блики. Нежные лотосы росли недалеко от берега, обдуваемые летним теплым ветерком, и их хрупкие бледно-розовые лепестки несмело тянулись к солнцу, цветы раскрывали ему свои прекрасные бутоны.

Чуть поодаль на высоком холме виднелся графский замок. Он был такой старый, что мох и серый лишайник проросли через его фундамент насквозь. Его каменные стены, выточенные из прочного темно-бурого камня, которого много было в горах, обрамлял глубокий ров. Деревянные ворота, срубленные из вековых дубов северных лесов, надежно защищали вход. Массивный подвесной мост был всегда поднят, и тяжелые чугунные цепи, отлитые лучшими кузнецами графства, прочно удерживали его на весу. Округлые невысокие башни замка, чуть покосившиеся от времени, намертво срослись с землей, как бы пустив в нее свои мощные корни, будто какая-то неведомая сила притягивала их вниз. И только лишь одна часовенка, словно насмешка архитектора, – высокая, легкая, невесомая, с тонким гладким острием, точно выпущенная из тетивы стрела, всей своей сущностью стремилась ввысь, к солнцу и к звездам, бросая вызов всему громоздкому приземистому ансамблю.

Но Азель не видела ни глубокого рва, ни дубовых ворот, ни каменных неприступных стен, ни подвесного моста, ни округлых башен. Ее взор был устремлен только к одной этой часовенке. Там, в вышине, под самыми облаками жил ОН: графский сын, предмет ее ночных грез. Она отчетливо помнит, как впервые встретила его.

Это произошло два года назад во время сенокоса. Девушка принесла отцу в поле незамысловатый обед, состоящий из крынки парного молока да ломтя хлеба грубого помола, только что испеченного матерью в печи. Они сидели в тени деревьев, слушали пение иволги, притаившейся в густой листве, радовались короткому отдыху, что нечасто выпадал старику в течение дня, и беспечно болтали. Вдруг вдалеке послышался топот конских копыт.

– Что-то стража зачастила, – зевнул отец. – Видать, опять ловят кого-то.

– Я слышала, из графских конюшен стали пропадать лошади, – приподнялась с земли Азель.

– Не Михнена ли это работа? – усмехнулся старик. – А может, и заезжие цыгане. Говорят, за рекой видели их табор.

– Нет, отец, Михнен на такое рискованное дело не пойдет. Вот если курицу стащить из огорода старой Марты, кувшин с изгороди снять или яблок в садах натрясти, так это точно он, – засмеялась девочка и, набрав целую охапку синеглазых васильков, собралась уже домой.

– Смотри-ка, Азель, уж не сам ли граф собственной персоной к нам пожаловал, – взгляделся вдаль отец.

Девочка вышла на дорогу и увидела двух всадников. Один из них действительно был граф. Несмотря на свой преклонный возраст, он выглядел молодо, а длинная густая седина придавала лицу ненавязчивый шарм. Властный взгляд его цепких, слегка обесцвеченных временем глаз, от которых не ускользала ни одна, даже самая незначительная мелочь, был устремлен в поле, а гордая, независимая осанка внушала глубокое почтение и вызывала непрекращаемое подчинение.

Обширные владения графа распространялись до самого моря и были настолько велики, что понадобилось бы несколько дней, чтобы их объехать. Щедрая природа из года в год дарила богатые урожаи, в густых лесах водилось много дичи, многочисленные стада лоснящихся упитанных животных неспешно отъедались на зеленых пастбищах, и графское хозяйство в эти времена, как никогда, процветало. Горы зерна, ткани и кожи, мясо и молоко, хлеб и мед, овощи и фрукты, много предметов домашней утвари и одежды, кованое оружие и дорогая посуда вывозились на многочисленные ярмарки, где пользовались большим спросом. А слава местных ремесленников выходила далеко за пределы графства, и полюбоваться их искусной работой съезжались знатные и богатые соседи из самых отдаленных уголков.

Рядом с графом скакал юноша, года на три-четыре старше Азель. Стройный и грациозный, как раз под стать своему молодому строптивому жеребцу, привезенному месяц назад из конюшен одного английского лорда, этот юноша уже давно притягивал к себе взгляды молодых девушек всех сословий. А посмотреть было на что. В расписном камзоле, расшитом золотом по последней моде, дорогих кожаных дорожных перчатках, без шляпы, в длинных ботфортах со шпорами и с изящной уздечкой в левой руке юный граф был очень хорош. Легкий пушок уже уверенно обрамил его красивое аристократическое лицо. В нем – юношеские мечтания и наивный романтизм. Ветер развеивал непокорные каштановые кудри, высокий лоб говорил о незаурядном уме и склонности к творчеству, а его большие карие глаза сияли задором и жаждой приключений.

Всадники поравнялись с селянами. Старый граф придержал своего коня и обратился к ним:

– Хороши ли нынче травы, старик?

– Как никогда густы, синьор. Воды было много, да и солнца тоже. Если дожди не зальют, сено получится доброе, – почтительно поклонился ему отец Азель.

– Не зальют, – граф посмотрел на небо. – Лето будет теплым.

– Дай-то бог! – опять поклонился старик.

– Давай теперь, Эгмонт, съездим на дальние поля. Проверим, заколосилась ли рожь, – пришпорил коня старый граф.

– Хорошо, – крикнул ему вслед юноша. – Красивые цветы, – на секунду задержался он возле Азель и, откинув с лица непослушные кудри, помчался следом за отцом.

Эгмонт, Эгмонт, что же ты наделал! Твоего мимолетного взгляда было достаточно, чтобы в сердце Азель закралась любовь. Нет, не закралась, а вспыхнула! Вспыхнула ярко, словно новая звезда на небосводе, сразу же затмив собой весь мир. Девочка залилась густой краской. Она стояла посреди дороги, прижав к себе васильки, не смея пошевелиться от впервые нахлынувших на нее чувств. Чувств странных, неизведанных и непонятных, но таких притягательных и желанных. Юный граф был прекрасен! Он воплощал в себе все самое лучшее, самое необыкновенное и восхитительное, что есть на свете. Он разбудил то, что до поры до времени дремало в ее нежной, трепетной груди.

Любовь давно уже тихо подкрадывалась к Азель, будоража ее и маня. Она видела ее в ярко-алых закатах и голубизне озер. В ночной тиши лесов и туманной загадочности вечеров. В большой желтой луне, томно улыбающейся ей среди далеких мерцающих светил, и в рождении по весне у них в яслях маленьких милых ягнят. В шелесте трав и летнем буйстве цветов, и, конечно же, в свадебной песне белых лебедей, каждый год прилетающих на деревенский пруд, в свое старое родовое гнездо. И вот только сейчас любовь разгорелась в ней ярким безудержным пламенем, сразу же завладев всем ее хрупким существом.

– Азе-ель, – пробивался к ней издали чей-то очень знакомый голос. – Азе-ель. Азе-ель... Азель, ты не слышишь меня?! – подошел к ней отец.

– Что? – вздрогнула девочка.

– Что с тобой?

– Все хорошо, папа, – тихо прошептала она.

– Ты вся побледнела и дрожишь.

– Прохладно стало, – отстранилась от него девочка и, еще крепче прижав к себе васильки, слегка пошатываясь, направилась к дому.

– Прохладно?! – удивленно посмотрел ей вслед старик, так и оставшись стоять на дороге.

Он провожал ее взглядом долго, до тех пор, пока она наконец не скрылась за поворотом, и на его добром светлом лице застыла тихая, задумчивая улыбка.

Глава 2

Встреча

С того рокового дня прошло уже два года. Азель незаметно превратилась в дивный, прекрасный цветок. Огромные, синие, как само небо, глаза. Нежная кожа отливала бархатом персика, черные блестящие локоны, перехваченные алой лентой, тяжелыми волнами спадали на хрупкие плечи, а чуть пухленькие коралловые губки улыбались всем так радостно и приветливо, что казалось, будто в самый пасмурный день светит солнце. Тонкая талия, словно молодая березка, сгибалась, как под ветром, а поступь ее маленьких стройных ножек была тиха и мягка; создавалось впечатление, будто она не идет, а плывет по воздуху. Под ее искусной рукой появлялись удивительные сады и воздушные замки, милые ангелочки и целые библейские сюжеты, замысловатые узоры и волшебные цветы, дикие птицы и сказочные звери, и лучшей золотошвейки во всей округе не сыскать было. Говорят, расшить свою праздничную тиару ей заказал сам Папа Римский.

Все это время Азель думала о графском сыне. Не просто думала, а мучилась, страдала, истязала себя любовью. Его образ всегда стоял у нее перед глазами, и девичье сердце начинало учащенно биться при одном лишь воспоминании о нем. Она даже подружилась с лукавым помощником младшего повара графа, чтобы знать о своем любимом все: что он ест, где бывает, с кем встречается, как проводит время. Девушка жадно ловила каждое слово, не зная (или не желая знать) того, что хитрый малый чаще всего привирал, набивая себе цену. В праздничные дни на площади, на ярмарках она всегда была в первых рядах в надежде увидеть своего возлюбленного среди торжественных процессий. Ее теперь интересовало все, связанное со старым замком, – будь то заморский гость, приехавший с визитом к графу, натаскивание молодого сокола для охоты на зайцев или же закупка новой породы кур для графских курятников. А в свободные минуты Азель убегала в лес и тайно от всех вышивала золотом, серебром и жемчугами портреты милого Эгмонта. Их у нее набралось уже больше дюжины. Единственной, кто знал ее страшный секрет, была подруга Селена.

– Брось ты эту затею, – говорила Селена возле старой ивы на берегу озера. – Графский сын никогда не полюбит тебя.

– Почему? – несмело взглянула на нее Азель.

– Не забывай, кто ты, а кто он. Графы на своих крестьянках не женятся.

– Я и не мечтаю об этом, – тихо прошептала девушка, от волнения уколов себя иглой.

– Как же не мечтаешь, – усмехнулась Селена. – Аж побледнела вся. Поди-ка только об этом и думаешь. Какой по счету портретик ему вышиваешь?

– Я просто люблю Эгмонта, – покраснела Азель, – и хочу, чтобы он всегда был со мной. Но только он никогда не узнает о моей любви.

– Понятное дело, что не узнает. А если б даже и узнал, нужна-то ты ему больно. У него таких, как ты, – дворовых девок – целый замок. Поди-ка ни одной юбки не пропускает.

– Не смей так говорить! – вспыхнула Азель. – Эгмонт не такой.

– Не такой, не такой... – передразнила подруга Селена. – Да все господа такие. Ты лучше улыбнись Олдину. Неужели не видишь, сохнет по тебе парень. Хороший, работающий, здоровый. Руки на месте. Пасет графское стадо, а это не каждому доверят. Опять дудочку тебе вырезал.

– Не нужен мне ни Олдин, ни его игрушки, – отвернулась Азель.

– И зря. Вот у меня с Жаком все ясно. Он мясник. На хорошем счету у графа. Я коровница. В следующем году мы поженимся, и граф пообещал дать Жаку еще земли. Хозяйство свое разведем: курей там, козочек. Я уж их, пушистеньких, больно люблю. Пару-тройку коров. Деток нарожаем. Все как у людей будет. А ты, глупая, так со своей любовью и останешься одна.

Вокруг Олдина пастушья дочка вон как увивается. Глазки ему строит, юбки новые шьет да яблочками наливными из своего сада подкармливает.

– Одна, значит одна, – встала Азель и, пряча глаза, на которые в любую секунду готовы были навернуться слезы, быстрым шагом пошла в деревню.

– Подумаешь, какая гордячка! – крикнула ей вслед Селена.

Возможно, когда-нибудь Азель и вняла бы доводам подруги и забыла юного графа. Тогда Олдину или еще кому-нибудь повезло бы. Но этого, к счастью для нас, не произошло, иначе бы вся эта история закончилась, так и не начавшись. Потому что однажды случилось вот что...

Как-то ранним июльским утром Азель отправилась за малиной для графских кладовых. Погода была чудесная. Лето не пожалело ярких красок. Оно расцветило лес алыми ягодами земляники, синими – черники, фиолетовыми – голубики; мир полыхал желтизной одуванчиков, зеленью хвои, голубизной озер, красными шапками маков и пестрым разнотравьем полей. Повсюду звенел птичий гомон. Легкий ветерок шелестел кронами деревьев, вкрадчиво рассказывая новую сказку леса. Неугомонный ручей весело пел свою песенку, пробираясь к озеру между корнями, – и везде, куда ни глянь, кипела хлопотная и беспокойная лесная жизнь.

Настроение у девушки было прекрасное, и она незаметно для себя углублялась все дальше и дальше в чащу. Азель уже набрала целый короб сладкой душистой малины и только было собралась возвращаться в деревню, как вдруг позади себя услышала хриплое рычание. Девушка вздрогнула и медленно оглянулась. Из кустов на нее смотрели три пары хищных глаз.

«Волки!» – мелькнуло у нее в голове.

Волков в округе не видели уже несколько лет, с той памятной зимы, когда они задрали двух охотников, и тогда старый граф, собрав всех мужиков, устроил на волков многодневную облаву. Говорили, что звери покинули здешние леса и ушли в горы на север. Тем более что там в огромном количестве расплодились олени. Женщины и дети уже давно без боязни ходили в лес одни. И вот теперь...

– Р-р-р-р! – опять послышалось из кустов малины, и Азель увидела грозный оскал острых, как сабли, зубов. А еще и новая пара глаз недобро сверкнула в листве. Вот еще и еще одна.

«Да тут целая стая!» – похолодела Азель.

Волков она не встречала никогда, но знала, что с ними шутки плохи. Отец часто рассказывал ей, как во времена его молодости без лука и стрел в лес никто не хаживал. Дикие голодные звери способны на все. Они не только целыми стаями нападали на деревенские стада, запросто расправляясь с пастухом и его собакой, но могли и легко загрызть самого крупного и сильного медведя.

Азель начала медленно отступать назад. Сердце ее бешено колотилось и готово было выскочить из груди. Мысли путались. «Бежать, только бежать!» – твердила она себе, но ноги почему-то не слушались. Едва поднимая их, ставшие сразу ватными, Азель сделала еще несколько шагов назад и уперлась в ствол дерева. Волки зарычали сильнее. Вот из кустов вышел вожак. Это был старый матерый хищник, не ведающий ни страха, ни жалости, ни сострадания. Он оценивающе, не отрываясь, следил за своей жертвой, готовый в любую секунду дать знак стае. Девушка взглянула в его глаза и... увидела там свою смерть. Она бросила в волка кузовок с ягодами и побежала. А еще закричала. Закричала так громко, что птицы поднялись в воздух, создавая невыносимый гам. Волки взвыли и приготовились к прыжку. Азель уже не понимала ничего, все перемешалось перед ее глазами: земля, воздух, лес, деревья... Она бежала вперед, цепляясь подолом платья за кусты и коряги. Ветки хлестали ее по лицу, кололи в бока, жалили руки и ноги, но девушка не испытывала боли. Ни разу не обернувшись, она каким-то шестым чувством ощущала за собой дыхание злых и голодных волков, как будто видела пронзительные взгляды их страшных глаз, слышала лязг их зубов.

«Бежать, только бежать! – продиралась Азель сквозь колючий густой кустарник и заросли крапивы, выраставшие сплошной преградой у нее на пути. – Впереди просвет. Может, там озеро? Бежать к нему».

Но тут, оступившись, она зацепилась ногой за торчащий из земли корень и, потеряв равновесие, упала на сухую жесткую листву.

«Все!» – пронеслось в голове.

Азель зажмурилась, готовая принять смерть, но вдруг прямо над ее головой послышался дикий визг, а потом еще и еще. Она приподнялась и медленно оглянулась. Рядом с ней в луже крови лежал вожак. Тот самый, что смотрел на нее из кустов. Из сердца хищника торчала стрела. Рядом с ним корчились в предсмертных муках еще два волка. Одному из них стрела попала в глаз, другому – в грудь. Азель начала медленно отползать в сторону, все еще не понимая, что же произошло. Голова кружилась, перед глазами мелькали черные круги, крик птиц мешался с предсмертными стонами волков, все вокруг поплыло, и, сделав еще одно движение, она вдруг закрыла глаза и упала на землю, больше не двигаясь...

Ледяная вода тонкой струйкой лилась на лицо. «Холодно!» – поморщилась Азель. Девушка медленно открыла глаза и сквозь мокрую пелену увидела над собой взволнованного юношу. На его плече сидел сокол и, не мигая, буравил ее глазами. Юноша, положив ее голову на колени, осторожно лил воду ей на лицо.

– Где волки? – испуганно взглянула она на него.

– Не волнуйся, волков больше нет. Я прогнал их. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, вы спасли меня, синьор, – узнала графского сына Азель и жадно глотнула ключевой воды.

– Называй меня просто Эгмонт, – улыбнулся он, прислонив ее рот к своей серебряной фляге.

– Спасибо!

– Что ты делала одна в этой глуши?

– Собирала малину, – опустила глаза девушка.

– Нельзя быть такой беспечной. Ты зашла слишком далеко в лес. А вдруг бы я не оказался рядом?

– Тогда меня бы съели волки, – прошептала она.

– Точно бы, что съели. Их тут семеро было. Целая стая. Я думаю, с гор спустились. Видать, еды там стало мало. Голодные. Мои стрелы едва остановили их. Пообещай, что больше никогда не пойдешь в лес одна.

– Обещаю, – несмело улыбнулась Азель.

– А ты красивая, – взгляделся в синие бездонные глаза юный граф. – Как тебя зовут?

– Азель.

– Хорошее имя. Музыкальное. Азе-е-ель, – нараспев крикнул он.

– Азе-е-ель, Азе-е-ель, Азе-е-ель, – где-то в лесу повторили вслед за ним сойки-пересмешницы.

– Скажи спасибо сойкам. Это они донесли твой крик до меня, – засмеялся Эгмонт. – Ты из нашего графства?

– Да, синьор.

– Мы же договорились, Эгмонт.

– Да, Эгмонт, – чуть слышно повторила за ним Азель.

– Вот так-то лучше. Ладно, забирайся в седло, – одним прыжком он оказался на коне и протянул руку девушке.

– А как же малина? – растеряно огляделась она по сторонам в поисках своего кузовка.

– Да забудь ты про малину, – и он, с легкостью подхватив ее, усадил перед собой.

Они неспешно ехали в замок. Всю дорогу Эгмонт весело болтал, расспрашивая ее обо всем, и сам рассказывал Азель разные забавные истории. А девушка сразу же, разомлев от нахлынувшего на нее счастья, слушала и слушала его голос, медленно растворяясь в нем вся, без остатка. Ее спас графский сын! Ее Эгмонт. И вот сейчас они одни. Одни на целом свете! Они вместе. Она едет рядом с ним, ощущая прикосновение его красивого молодого тела, вдыхает его запах, несмело дотрагивается до сильных мускулистых рук. Да за эти мгновения Азель готова была еще и еще раз пережить то, что произошло с ней сегодня в лесу. Волки, волки, вы сделали меня счастливой! И пусть она больше никогда не встретится с ним, но эти дивные мгновения будет помнить всю свою жизнь. «Милый, милый Эгмонт, – чуть слышно шептали ее губы, и она, взволнованная, еще сильнее прижималась к нему. – Хочу, чтоб так было всегда».

– Вот мы и приехали, – остановил коня юный граф. – Значит, ты золотошвейка?

– Да, – очнулась от своих грез Азель.

– А мне как раз нужно расшить новый камзол. Где ты живешь? – весело спросил он.

– Вон за тем прудом, – показала девушка в конец деревни.

– Я скоро навещу тебя, Азе-е-ель, – опять нараспев произнес ее имя графский сын.

– Я буду ждать вас, синьор, – прыгнула она на землю.

– Эгмонт, Эгмонт, – прокричал он и, пришпорив коня, поскакал к замку.

А Азель так и осталась стоять посреди деревни, глядя ему вслед, раскрасневшаяся, взволнованная, с тихой улыбкой счастья на лице.

– Побереги-ись, – пробасил грубый мужской голос.

И тяжелая добротная телега, доверху груженная сеном, поскрипывая и побряхывая, медленно проехала по дороге.

Глава 3

Великая клятва

– Ну как? Как это у тебя получается? – старательно выводил на пальцах золотые нити Эгмонт, а те почему-то все время путались или обрывались.

– Ты не спеши, и все выйдет, – забрала у него шитье Азель и распустила небольшой узелок. – Вот так, – сделала она еще два крестика, закончив рисунок.

– Красота! – как пушинку, подхватил ее на руки юный граф и начал кружиться с ней по поляне. – Ты моя золотошвейка! Самая лучшая золотошвейка на свете! Я люблю тебя! Люблю-ю! Люблю-ю! – на весь лес кричал он, а она, счастливая, прижавшись к нему, словно маленький зверек, весело хохотала...

Их роман длился уже два месяца. Два волшебных, чудесных месяца! Юный граф примчался к Азель на другой же день после их встречи в лесу, и больше он с ней уже не расставался. Все это время они расшивали ему камзол. Эгмонт совсем забросил свои обычные занятия и увлечения. Он перестал ездить на охоту, совершенно не интересовался хозяйством, позабыл танцы и флейту, бои на мечях, стрельбу из лука, друзей и псарню. Хотя нет, флейта тоже всегда была с ним, и он мог часами вдохновенно играть на ней для своей Азель. Все мысли графского сына были поглощены одной ею. Милая, милая Азель! Девушка с персиковой кожей и иссиня-черными, как вороново крыло, волосами. Только она составляла теперь смысл его жизни.

Вот и сейчас они уединились на берегу озера и любовались закатом. Тихая ночь незаметно опускала на лес звездное покрывало. Где-то в чаще ухал филин, и в ярко-красных лучах заходящего солнца нежные лотосы, застывшие воском на тихой зеркальной глади, полыхали алым огнем, отражаясь пунцовым заревом.

– Какие удивительные цветы, – невольно залюбовалась Азель.

Эгмонт разделся и вошел в воду. Прохладный туман окутал его густой дымкой, и юный граф, растворяясь в вязком розовом молоке, неслышно поплыл к самому красивому цветку. Он осторожно сорвал лотос и, не нарушая хрупкой гармонии вечернего таинства, бережно преподнес его Азель.

– Это будет цветок нашей любви, – положил он его к ногам восхищенной девушки.

– Да, только нашей, – нежно взглянула она в его глаза.

– И он никогда не завянет.

– Так же, как и наша любовь.

Они сидели, обнявшись, под плакучей ивой, и птица счастья, пролетая в это мгновение над лесом, осыпала их едва заметным мерцающим дождем.

– Скоро у меня день рождения, и я представлю тебя отцу, – гладил Эгмонт послушные кудри Азель.

– А если он не примет меня? Я же служанка, – испуганно посмотрела Азель на него.

– Я расскажу ему, как люблю тебя. Отец добрый и все поймет.

– Мне все равно страшно, – прижалась к нему девушка. – Вдруг нас разлучат.

– Да что ты такое говоришь! – с жаром воскликнул Эгмонт, обхватив ее гибкую талию. – Мы любим друг друга, и это главное! И всегда будем вместе.

– Правда? – доверчиво посмотрела Азель в его добрые карие глаза.

– Конечно, – и он, осторожно приблизив ее лицо, нежно поцеловал в губы.

Поцелуй любви! Впервые это произошло несколько дней назад. Эгмонт решил прокатиться с Азель до дальних гор к Высокому водопаду. Он выбрал для нее в своих конюшнях белогривую красавицу Бени, недавно выменянную на меха куницы у одного персидского шейха. Та просто очаровала девушку своей величественной грацией и статью. Таких плавных линий и необычного окраса Азель не видела еще никогда в жизни. В их деревне держали много

коней разных мастей, но в основном это были грузные приземистые тяжеловесы, привыкшие к нелегкой монотонной работе. Бени же была словно соткана из облачного полотна: легкая, воздушная белоснежная и такая быстрая, что казалось, будто она не скачет, а летит по воздуху наперегонки со своими подружками-облаками. Новая хозяйка тоже понравилась лошади. Бени с благодарностью приняла из рук Азель несколько кусочков сахара, позволила ей расчесать свою мягкую гриву и, разрешив оседлать себя, стала безропотно выполнять все ее команды.

– Вы словно родились друг для друга, – смеялся Эгмонт, когда покрасневшая от восторга Азель, прищипнув лошадь, неслась галопом по опушке леса.

– Я быстрее всех! – ликовала она, и цветочная пыль разлеталась по полю из-под копыт.

– Я догоню тебя! – кричал ей вслед юный граф, придерживая за уздцы своего строптивого коня.

– Я! Я быстрее всех! Даже ветер не сможет угнаться за мной! – все подгоняла и подгоняла Бени Азель.

Они мчались вперед, навстречу своей судьбе, подстегиваемые безудержной, неукротимой юностью и великой жаждой приключений, вдыхая полной грудью каждое мгновение, каждую каплю, каждую малую толику так неожиданно свалившегося на них счастья. Счастья безмерного, беспредельного и безграничного, полностью завладевшего ими. И счастливей этих двоих не было никого на всем белом свете!

Вот уже остался позади лес, закончились поля, проскользнула голубой лентой беспокойная труженица река, и на их пути, словно исполинские великаны, встали горы. Огромные и всевластные! Горы нависли над ними своими белыми шапками, спрятанными от посторонних глаз в недостижимой заоблачной дали в царстве орлов и вечного холода. Какое величие и безраздельная власть скрывались в их седых морщинах! Там, высоко, среди голых скал и сверкающих ледников слышался гул зарождающейся воды, грозной и могучей, дающей в безбрежной синеве неба начало всему существу. Только потом, набравшись сил и впитав в себя великий дух природы, Высокий водопад шумно и властно обрушивал на горы свои бушующие, неуправляемые потоки, стремительно продираясь сквозь груды вековых камней вниз, к земле. И уже среди густых лесов и шелковистых трав, укротив свою первозданную мощь и силу, он расплзался тысячами змей – веселых и звонких ручейков и рек – по равнинам и долинам, питая целебной, живой влагой все вокруг.

– Какой он величественный! – замерла в немом восхищении Азель, потрясенная открывшимся видом.

– Да, это Высокий водопад, – обнял ее за плечи Эгмонт. – Я часто прихожу сюда.

Они поднялись высоко в горы и стояли рядом, тесно прижавшись друг к другу, смиренные и притихшие перед властью могучей стихии, обдуваемые со всех сторон ветром. Внизу неспешно проплывали облака. Высокий водопад прорывался сквозь белые воздушные хлопья, переливаясь на солнце. Капли воды падали и разлетались тысячами маленьких сверкающих огней. И вдруг над ними засияла радуга. Яркая, огромная и сказочно прекрасная! Она повисла над землей, купаясь в солнечных лучах, словно разноцветная ледяная горка.

– Смотри, Эгмонт, радуга! – воскликнула Азель. – Я хочу на ней прокатиться!

– Какая ты забавная, Азель. Кто же катается по радуге? – еще сильнее прижал к себе девушку графский сын.

– Я! Я! Я катаюсь! – стала она вырываться из его сильных рук.

– Я никуда тебя не отпущу, – вдруг приблизил он ее покрасневшее от возбуждения лицо.

– Отпустишь! Отпустишь, – хохотала она, захлебываясь от восторга в его объятиях.

– Не отпущу, – вдруг, сразу посерьезнев, сказал он, а потом взял и поцеловал ее в губы.

– Что ты наделал? – сразу же сникла она, дотрагиваясь рукой до губ.

– Я теперь никогда и никуда тебя не отпущу! Ты моя навеки, навсегда, и даже смерть не разлучит нас. Клянусь в этом перед Высоким водопадом, – взглянул он в ее огромные изумленные глаза.

– Я тоже клянусь. Клянусь перед Высоким водопадом, – следом за ним шепотом повторила Азель. – Ты мой навеки, навсегда. И даже смерть не разлучит нас.

Высокий водопад вздрогнул, гулом отозвавшись в небесах, став единственным свидетелем этого таинства. С еще большей силой бросил он на горы свои неистовые потоки, навсегда запечатлев в бушующих водах их Великую клятву верности и вечной любви.

Глава 4

Неожиданная весть

- Сегодня, Эгмонт, день твоего совершеннолетия, и я должен с тобой серьезно поговорить, – обратился к сыну за завтраком старый граф.
- Я тоже, – отодвинул в сторону чашку с кофе Эгмонт.
- Вечером состоится бал в твою честь, и прибудет много гостей.
- Я знаю, отец, – улыбнулся ему сын.
- И одна гостья на твоём балу будет особая.
- Кто же это?
- Дочь герцога Освенского.
- Лаура?! Что же в ней такого особенного? Она всегда посещает наши приемы.
- На этот раз она прибудет к нам не только в качестве гостьи, но... – сделал долгую паузу старый граф, – и твоей невесты.
- Какой еще невесты? – оторопел Эгмонт. – Мы с Лаурой дружим с детства.
- Вот именно, Эгмонт. Вы помолвлены давно. Я просто никогда не говорил с тобой об этом. Это было решение твоей покойной матери. Она всегда хотела видеть старшую дочь герцога Освенского твоей женой, и ты обязан выполнить ее наказ. Лаура прекрасная девушка, ее семейство в родстве с королем, и иметь такую невесту большая честь для нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.